

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В14

Анастасия Вайолет
ВЕЧНЫЙ СОН

Дизайн обложки *Ольги Жуковой*

Иллюстрации *kartondesu*

Вайолет, Анастасия.

В14 Вечный сон: фантастический роман / Анастасия Вайолет. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 304 с. — (Страшные сказки со всего света. Ретеллинги).

ISBN 978-5-17-163096-6

Гренландия, 1800 год. В суровых, занесенных снегом землях живут девушка Анэ и её отец-шаман.

Однажды ночью они проводят очередной ритуал, но из тьмы вырываются древние силы, и Анэ переносится в двухтысячный год.

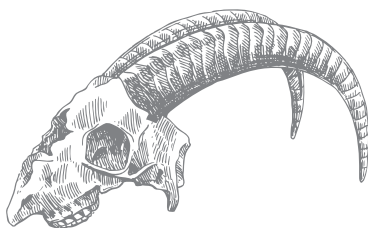
Вместо привычных хижин она видит большой незнакомый поселок. Новый мир кажется ей кошмаром — из клубящейся бури появляются существа, уничтожающие все на своем пути.

Анэ нужно выжить и найти способ вернуться, но главное — узнать страшные тайны своего отца и разгадать секрет ритуала, что перенес ее в будущее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-163096-6

© Анастасия Вайолет, 2024
© kartondesu, иллюстрации, 2024

ПРОЛОГ

1800 год, 20 апреля, 00:00

Море восстало против людей, и духи, прежде молчавшие, теперь кричат и стонут в ушах Анэ. Все, что она видит, — это застилающая глаза кровь вперемешку с морской водой, сквозь которую едва проступает дрожащий силуэт отца.

Медвежью кровь почти смыло с лица, и Анэ понимает, что ритуал сорван. Она смаргивает воду — фигура отца становится четче, его черная макушка едва выглядывает из белых сугробов и кажется такой беспомощной, что Анэ хочется то ли заплакать, то ли рассмеяться.

Он прикасался к тому, что скрыто от людей, и мог еще не очнуться.

Анэ переводит взгляд на свои руки. И на отца. И обратно на руки. Их она почти не видит — они размываются перед глазами, и все, что ей удастся разглядеть, — это кровавые разводы на снегу, освещаемые полной луной.

Еще мгновение — и Анэ бежит к отцу сквозь тянущую боль в ногах, сквозь дрожь во всем теле. На щеках замерзают капли воды. Она сбрасывает капюшон и тут

же воет от холода — но теперь видит отца все лучше и лучше, видит его руки, торчащие из сугроба, трясущуюся голову, которая постепенно поднимается из белизны...

— Стой на месте! — полностью высунувшись из снега, кричит он.

Взгляд у него дикий — выпученные глаза, покрытые инеем ресницы. Рот открыт то ли в страхе, то ли в попытке что-то сказать. Отец поворачивается — одна лишь его голова, которая трясется от холода, — и начинает петь на незнакомом языке. Анэ застывает на месте, ожидая команды.

Тишина. Темнота. Только море волнуется, выбрасывает на берег одинокие льдины. Воет морская чернота, шипит белая пена. Лунный свет падает на темные волосы отца. Кажется, что все погрузилось во тьму, и только фигура отца сияет, только в нем еще есть жизнь.

Он кричит. Волны сменяют друг друга, становятся все выше и выше.

Анэ не двигается. Часто моргает, чтобы видеть еще четче, убрать размытое дрожащее озеро перед глазами. Ждет. Отец встает из сугроба, разбрасывая руками снежные комья, — и в следующий миг застывает на месте. Волны с шумом разбиваются о каменный берег. Анэ продолжает смотреть на отца, ожидая хоть какого-то знака, взмаха руки, слова. Хоть чего-то, чтобы она понимала, что делать, — но фигура его неподвижна.

И когда поднимается большая, затмевающая небо волна, когда весь мир гаснет в морской пене, Анэ понимает, что в первый раз в жизни они не справились. Она силится представить отца — но представляет себе его

бубен, большой, из волчьей кожи. Она пытается кричать — но вместо этого хрипит от боли.

Боль настигает ее очень быстро — в одно мгновение она представляет себе отцовский бубен, а затем весь мир накрывает темнота. Анэ больше не ощущает свое тело — видя, чувствуя перед собой мертвую злую силу, она сливается с мерцающей тьмой.

...Просыпается Анэ в пещере.

Темнота, которую откуда-то свысока рассеивает лунный свет. Вода лениво скатывается на камни, образуя маленькие блестящие озера. Повсюду мелькают стонущие тени.

Под их стон она и открывает глаза. Тут же встает — тяжелый влажный воздух замедляет, окутывает слабостью, и вот уже у Анэ снова подкашиваются ноги. Тени снуют рядом. Стоны их складываются в одно простое слово: *помогите*.

Вдалеке лежат тела животных — собаки, олени, медведи. Их серая шерсть окроплена черной кровью. Волоски на них медленно, словно нехотя шевелятся — и от этих маленьких движений на мертвых телах Анэ словно каменеет, застывает на месте. По спине пробегает холод, трясутся мелкой дрожью руки.

Капли пота скатываются по лбу, к глазам. Анэ смаргивает пот, смешанный со слезами, и переводит взгляд вверх, пытаясь угадать, где находится, и боясь правильного ответа.

Ведь она знает это место. Анэ раз за разом возвращалась сюда во сне. Когда была маленькой девочкой, когда впервые увидела ритуалы отца, когда он сказал,

что ей придется в них участвовать. Тогда она оказывалась в этом месте, стоило ей лишь лечь на шкуру и закрыть глаза, — и просыпалась в ужасе, с мокрыми от пота волосами, и беззвучно кричала, пока отец не приходил и не объяснял ей, что это всего лишь сон.

Но сейчас Анэ не спит. Ее смыло водой, сквозь боль и давящий страх. Унесло туда, где нет и не будет места живым.

Совсем рядом раздаются шаги — Анэ улыбается и едва не плачет от облегчения, ведь она знает эти шаги дольше, чем собственное имя.

— Отец, — шепчет она через дрожь и слезы.

Теперь все точно будет хорошо. Пускай они и здесь, в таком одиноком и мрачном сне. Это ничто по сравнению с тем беспомощным ужасом у штормового моря. Анэ не решается посмотреть на отца, все представляя себе его дрожащую в сугробе макушку, но знает, что теперь он с ней.

— Скажи, что мне делать? — тихо спрашивает Анэ.

Отец берет ее руку — кожа у него шершавая и холодная, словно принадлежит мертвецу, — и показывает туда, где падает тонкая полоска лунного света. Анэ смотрит, пока глаза не начинают болеть.

— *Помоги, помоги, по-мо-ги,* — шепчут тени.

Анэ скользит по ним взглядом — они то появляются, то скрываются в глубине пещеры. Где-то вдалеке раздается приглушенный вой, и Анэ вздрагивает, крепко хватаясь за отцовскую руку.

А потом понимает, что сжимает ладонью пустоту.

Отец исчез. В пещере стало холодно. А тени проникают в голову, мысли, под кожу...

Анэ вновь не чувствует тело. Ноги, руки, пальцы — все будто исчезло вслед за отцом и очень быстро потеряло значение. Она словно парит в тяжелом воздухе пещеры, больше не вдыхая влагу.

Тени бесчинствуют. Они мечутся, зовут, кричат, поют на языках, которые никогда ей не были известны. Анэ начинает над ними возвышаться — души запертых здесь существ все больше от нее отдаляются, а сама она устремляется за вечным лунным светом. Все несуществующее уже тело, вся душа ее наполняется этими лунными бликами. Анэ впускает в себя свет, пока тени продолжают истошно кричать.

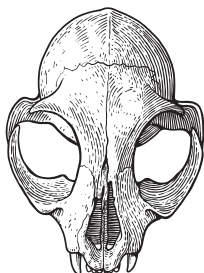
И когда она оказывается на самом верху, то невольно начинает петь. Вторит песне из сотен голосов — тех ангакоков¹, что давно жили и умерли, и остались здесь, в пещере.

Наконец свет застилает все...

---

¹ Гренландское название шамана. Целитель, проводник между миром мертвых и миром живых. — *Здесь и далее прим. авт.*

ВЕЧНЫЙ ЗВОН

2000 год, 20 апреля, 10:00

...Солнце. Камни. Анэ задыхается, смотрит прямо на солнечный круг. Тут же жмурится от боли в глазах, но заставляет себя смотреть. В наказание, что не успела, не уследила, не попыталась ничего сделать.

Тяжелый вздох — и она замирает, ожидая услышать крик отца, — но ничего не происходит. Вместо этого — тишина. Ни шагов, ни шума волн. Только яркое синее небо.

Не в силах больше смотреть на солнце, Анэ крепко жмурится и пытается снова открыть глаза — но тело перестает ее слушаться. Она пытается моргнуть, закричать, пошевелиться, но вместо этого лишь кричит у себя в голове.

И уносится глубоко в сон.

2000 год, 20 апреля, 10:30

...Шаги. Шорох. Далекий лай собак. Множество ног ступают по камням вокруг Анэ.

Она слышит тихие голоса, слышит бормотанье, но ничего не может разобрать. Пытается пошевелить руками, и один из пальцев — она не может понять, какой именно, — начинает дрожать. Анэ вздыхает с облегчением и медленно открывает глаза.

Чтобы сразу затрястись и подняться над землей.

Чьи-то руки ухватили ее за конечности и тащат вниз. Солнце стало еще ярче, еще безжалостней, и Анэ вновь зажмуривается.

Может, это отец позвал на помощь? Она тут же отменяет эту мысль, понимая, что отец никогда бы на помощь не позвал — тем более после того, как она нарушила ритуал.

Анэ пытается оглядеться, поймать хоть кусочек окружающего мира — но ее тело обмякает в руках незнакомцев. Она испускает тихий стон и невольно закрывает глаза.

2000 год, 21 апреля, 12:00

Тепло. Тихий шум где-то за стеной.

Анэ смотрит на потолок, всем умом и телом прикованная к мягкой кровати. Деревянные плиты с редкими разводами грязных цветов. Запах свежей оленины, такое нежное покрывало, что можно в нем раствориться. Слишком удобная кровать — и Анэ раздражается, ворочается на ней, пытаясь понять, чем заслужила такую мягкость. Каждый миг, проведенный здесь, в тепле, ощущается как душевная пытка. Каждый миг напоминает о том, что над ней больше не крыша хижины

или открытое небо, а что-то большое, светлое и совершенно чужое.

Время тянулось бесконечно. Анэ пришлось долго лежать в кровати, медленно впитывая происходящее, — этот мир был ей знаком, но одновременно казался странным и чужим.

Перед глазами то и дело восставали огни костров — плясали, горели и ослепляли. В ушах застыла песня отца — протяжная и оглушительно громкая. Он в испуге бил в бубен и пел на незнакомом языке. И из черного дыма появлялись бледные стонущие души, и слышался тихий шепот духов, заключенных в морскую воду, небо и камень. Анэ держалась за эти образы, говоря самой себе, что они с отцом обязательно вернутся и она вновь будет стоять у костра, наблюдая за ритуалом, покачиваясь в такт тягучим песням ангакока.

Все это время она, кажется, не вставала. Или этого не помнит. Мгновения слились в одну плотную, мутную пелену из обрывков воспоминаний, которые она видела, и стен, что ее окружали. Анэ молча слушала женщину по имени Тупаарнак, которая подходила к ней, тяжело садилась на ковер и все рассказывала о мире, в который пришла Анэ. Говорила, какой сейчас год, как называются разные предметы в комнате. Говорила, что знает, откуда она, и что все обязательно будет хорошо. Анэ не понимала, откуда у Тупаарнак эти знания, но это было последнее, что могло теперь занимать ее мысли.

Под успокаивающий голос, мягкий, словно животный мех, Анэ незаметно проваливалась в сон. А когда просыпалась — молча слушала и пыталась соотнести ее

слова с тем, что могла видеть лежа в кровати. Смотрела на свои тонкие руки и старалась найти в них хоть что-то новое, изменившееся за двести лет. Рассматривала одежду, которую Тупаарнак положила на кровать, — черную, непривычно чистую, жесткую на ощупь. Анэ быстро поняла, что это совсем не мех и не шкуры — теперь одежду делают из чего-то другого.

Но главное — она все время прислушивалась к пульсациям в собственном теле.

Тело ощущалось по-новому. Она не могла найти этому точное объяснение, но знала, что ритуал ее изменил. Даже если он сорвался. Что-то тряслось, дрожало, билось, рвалось наружу. Неведомая сила текла по ее венам, стены и предметы перед глазами виделись более четкими, яркими — едва не светились. Напрягшись, Анэ могла услышать биение собственного сердца. Оно даже стучало по-новому — гораздо быстрее.

Теперь, в очередной раз проснувшись, она чувствует, как распухает голова. Но в этот раз Анэ оттягивает, прячет свою боль. С большим усилием держит глаза открытыми — в любое мгновение может зайти Тупаарнак, а чужой человек точно не должен видеть ее слабость. Анэ делает глубокий вдох, пытаясь себя успокоить.

Все будет хорошо. Пусть отца нет рядом — их общая сила поможет ей справиться.

Раздаются медленные, тяжелые шаги.

Анэ вздыхает, закрывает глаза, переворачивается на бок — ей еще трудно смотреть на новую комнату вместо ледяных или кожаных стен хижины — и ждет, когда зайдет Тупаарнак.

Женщина входит в комнату, прикрыв за собой шумно скрипнувшую дверь, и с тяжелым вздохом опускается на ковер из шкуры. Тихая маленькая женщина. Анэ помнит ее худое лицо, тонкие пальцы и очень короткие, почти мужские волосы. Если б не живот, Анэ легко бы спутала ее с молодым парнем.

Тупаарнак пытается взять ее за руку, но Анэ вздрагивает, едва почувствовав чужое прикосновение.

— Ты спишь?

Анэ мотает головой, изо всех сил заставляя себя открыть глаза.

Наконец это получается. Она поворачивается к двери и видит, как Тупаарнак сидит на полу, поджав под себя ноги и глядя огромный живот.

— Тебе пора вставать и начинать ходить. Анингаак говорит, скоро придет время малыша. Я не смогу тебе больше помогать.

Анэ тихо кивает и пытается опереться на руки — но лишь вздыхает и еще глубже проваливается в кровать. Она не понимает, зачем вставать. Отца нет. Тупаарнак — всего лишь женщина, даже не ангакок. Анэ может лежать на этой кровати, пока не умрет.

— Давай попробуем еще раз? — мягко спрашивает Тупаарнак, и Анэ чувствует на себе ее внимательный, обеспокоенный взгляд.

Она думает — сколько в беременной женщине может быть силы? Как мог бы воспользоваться этой силой отец?

Анэ кивает, не смотря на Тупаарнак.

— Все соседи про тебя спрашивают. С тех пор как наши завели тебя в дом, сплетни не прекращаются. —

Тупаарнак тихо смеется. — Давно у нас не было такого оживления. И что я им скажу, если ты не выйдешь?

— А зачем мне выходить, — шепчет себе под нос Анэ, но женщина все равно ее слышит.

— Ты можешь ничего мне не рассказывать. Но если хочешь вернуться домой, где бы этот дом ни был, тебе нужно бороться здесь и сейчас.

Бороться... Анэ вертит на языке это слово, но оно неприятно жжется. По телу проходит очередная пульсация, и пальцы начинают дрожать. Она представляет рядом отца — он сидит на кровати и смотрит на нее с разочарованием и строгостью, ожидая, когда Анэ наконец преодолет свою слабость и встанет, чтобы бороться и жить. Она запускает руку в тяжелые волосы, думая, что они стали грязными и жирными за время, пока Анэ лежала в кровати. Но нет. Чистые и мягкие, как никогда.

«Надо помочь отцу», — отзывается в голове такая безнадежная и грустная мысль, что Анэ хочется исчезнуть в этот же миг. Мысль о возвращении кажется такой естественной, но тело тут же отзывается на нее болью в сердце.

— Ладно, — хрипло говорит Анэ и резко садится.

Тупаарнак издает восхищенный вздох.

— Молодец! У тебя ничего не болит? Я могу позвать врача... или Анингаака.

— Все хорошо, — протягивает Анэ, не зная, что такое врач, но четко зная, что она никого сейчас не хочет видеть.

Муж Тупаарнак, как Анэ поняла, был ангакоком. Она сначала думала, что за двести лет что-то могло из-

мениться, — но мысль, что в этом чужом поселении хотя бы есть ангакок, наполняет ее необъяснимым спокойствием. «Отца не заменит никто», — думает Анэ и замирает. Ангакок больше не отец, а чужой мужчина — и это кажется слишком неправильным.

Анэ пытается представить, как может выглядеть Анингаак, но разум сопротивляется, отталкивает этот образ. Если за двести лет ничего не изменилось, то это должен быть сильный человек. Тот, кто видит запретное. Кто спасает, защищает и определяет наказание. Целитель, воин и проводник между духами, мертвыми и живыми — и от понимания, какую силу содержит в себе совершенно незнакомый пока человек, Анэ жмурится и невольно закрывает руками тело.

Она слышала много историй. От отца, от соседей, которых ей удавалось подслушивать, от приезжих за помощью семей и путешественников. Ангакоки, умеющие превращаться в птиц, спускаться за знаниями и помощью к мертвым. Создающие по ночам сильнейших злобных духов, которые отправлялись к таким же ангакокам и разрывали их на куски. Ученики, голодающие неделями и месяцами, чтобы обрести силу. Часами стоящие коленями на земле, просящие духов послать им диких зверей в тяжелые дни.

Анэ аккуратно слезает с кровати и чувствует под ногами деревянный пол. Тупаарнак тяжело встает следом за ней и спрашивает, не холодно ли. Анэ лишь пожимает плечами — к холоду она привыкла благодаря испытаниям отца. Да и в этом доме ей необъяснимо тепло и хорошо, не так, как в привычной хижине.

Отец хотел бы, чтобы она разобралась во всем происходящем и выбралась отсюда. Обратное, домой, к нему. Чего бы это ни стоило — именно так он жил. Через страдания, испытания и необходимые жертвы.

Анэ удается представить отца, стоящего у двери со скрещенными на груди руками. Он смотрит прямо, не отводя взгляд, — смотрит и ждет ее следующего шага. Она тихонько ему кивает и думает, как бы он поступил дальше: осмотрел поселение, в котором оказался, и нашел, что здесь можно использовать для обратного ритуала.

— Ты помнишь, что я тебе говорила? — подает голос Тупаарнак, держась за живот. — Про поселок.

— Да, — выдавливает из себя Анэ.

Она пытается изобразить на лице улыбку. У отца на все был один ответ: главное, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Мне побыть с тобой?

— Нет, — сразу же отвечает она.

Последнее, что ей нужно, — это чье-то общество. Тем более незнакомой женщины, почему-то помогающей человеку, которого видит впервые в жизни. Анэ старается не задавать лишних вопросов — только быть настороже и не давать загнать себя в ловушку.

Не спрашивай, выжидай, пользуйся удобным затишьем. В случае чего — готовься прятаться. Закрывай тело, закрывай лицо, проси помощи у камней, моря и земли. Мир опасен и чужд, и ты в нем — всего лишь гость, который в любое время может стать нежелательным.

— Погуляй, постарайся вспомнить, что случилось. Не забудь надеть анорак. Если тебе станет плохо или страшно — возвращайся сразу же или попроси кого-то провести до нашего дома.

Все это она уже почти не слышит — ее внимание направлено на дверь, у которой Анэ еще представляет отца. Она идет к ней, медленно открывает и вываливается в темноту коридора. Сверху тускло горит свет — то же самое Анэ видела и в комнате, в которой лежала. Лампы. «Электричество». За двести лет люди придумали столько всего, чтобы сделать свою жизнь лучше, — но до неузнаваемости изменили мир вокруг. Анэ безумно хочет наружу, только чтобы увидеть знакомые пейзажи, и в то же время боится выйти за дверь и не увидеть ничего похожего.

В конце коридора зияет проход в светлую кухню. Анэ пробирается сквозь душный воздух, сквозь темноту, и идет к свету — там особенно сильно пахнет оленьим мясом, и на мгновение она представляет, что это и есть путь к ее настоящему дому.

Но это всего лишь чужая комната. Синие стены, прибитые к ним полки. Много, очень много новых предметов. Анэ смутно вспоминает, что Тупаарнак уже водила ее по дому и объясняла все, что встречалось им по пути. Шкаф. Кухня. Плита. Котелки, в которых, судя по запаху, вываривается костный жир. Большие окна — сквозь них Анэ видит, как сушится на ниточках множество рыбьих туш.

Дома все это помещалось в одну скромную хижину. Пара лежанок, накрытых оленьими шкурами, посудыны